
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА ПЕРЕХОДА ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ*

СОДЕРЖАНИЕ

**Часть 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ
ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ.**

**Часть 2. ПОЛИТОГЕНЕЗ И ДРУГИЕ
ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
ПОСТПЕРВОБЫТНОСТИ.**

**Часть 3. СТЕЙТОГЕНЕЗ: РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО
И ДРУГИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ.**

**Раздел первый. ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРИЗНАКИ
РАННЕГО ГОСУДАРСТВА.**

**Раздел второй. РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО АНАЛОГИ.
РАННЕЕ И СФОРМИРОВАВШЕЕСЯ ГОСУДАРСТВО.**

**Подраздел 1. КЛАССИФИКАЦИЯ АНАЛОГОВ
РАННЕГО ГОСУДАРСТВА. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ
РАННИЕ ГОСУДАРСТВА.**

1. Теоретические проблемы подраздела.

1. 1. Раннее государство и общество.

1. 2. Задачи и проблемы подраздела.

* Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 2001. № 4; 2002. № 2; № 3.

2. Еще раз об аналогах раннего государства.

2. 1. Эволюционные альтернативы стейтогенеза.
2. 2. Аналоги раннего государства: классификация.
2. 3. Аналоги раннего государства: размеры и некоторые характеристики.
2. 4. Аналоги: некоторые другие классификации.

Часть 3. СТЕЙТОГЕНЕЗ: РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО И ДРУГИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Раздел второй. РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО АНАЛОГИ. РАННЕЕ И СФОРМИРОВАВШЕЕСЯ ГОСУДАРСТВО

Подраздел 1. КЛАССИФИКАЦИЯ АНАЛОГОВ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РАННИЕ ГОСУДАРСТВА

1. Теоретические проблемы подраздела

1. 1. Раннее государство и общество

Напомню, что **раннее государство** рассматривается в данной работе **прежде всего** как особая политическая организация общества (система политических и административных институтов). Однако в каких-то моментах государство и общество трудно отделить друг от друга, поскольку государство очень часто выступает от имени всего общества и тем самым все сильнее вовлекает его в круг собственных интересов. Но с другой стороны, оно, в свою очередь, начинает отвечать по многим обязательствам общества. Поэтому следует учитывать, что термин «раннее государство» может иметь два значения:

а) узкое, то есть собственно политическая организация общества;

б) широкое, то есть общество, которое имеет особую политическую форму (в этом случае точнее было бы даже говорить не раннее государство, а *общество с раннегосударственной политической формой*)¹. Это широкое значение лучше использовать при анализе отношений какого-

¹ См. о том, какие авторы склоняются к тому или иному значению данного слова: Bondarenko D. M. and Korotayev A. V. 'Early State' in Cross-Cultural Perspective... P. 111.

либо государства с другими государствами, ибо здесь общество и государство чаще всего выступают как целое.

Хотя эти значения не всегда легко разграничить, тем не менее разделение указанных смыслов не только возможно, но и крайне важно, поскольку помогает лучше понять принципиальные различия между ранним и сформировавшимся государством. В зрелом государстве государственные институты и само общество сильнее (теснее) связаны друг с другом. В раннем – намного слабее. Поэтому для раннего государства чаще используется первое значение слова «государство». Это связано с тем, что в раннем государстве, тем более в крупном и разнотнничном, государственная организация не представляет собой еще единственно возможную форму жизни общества. Раннегосударственные политические институты вырастают из старого общества, чтобы встать над ним. Но эта политическая сфера образует лишь некоторую надстройку, а собственный ее фундамент пока слаб².

Говоря образно, фактически имеется лишь некое государственное ядро, которое, благодаря силе своего влияния, объединяет общество и создает своего рода оболочку, отгораживающую социум от прямого внешнего воздействия. Но государственные начала еще не проникают в глубь жизни населения, не перестраивают многие институты, сложившиеся до государства. Иными словами, форма (политические институты) и содержание (общество) еще плохо притерлись друг к другу.

Поэтому центральная власть во многом еще опирается на догосударственные институты. Взять те же Гавайи или Таити: и после образования государств на этих архипелагах представление об особой сакральности верховного вождя оставалось важнейшим в их политической идеологии (так же, вероятно, было и в ранней истории Египта). Другой пример – Киевская Русь: славянские племена платили дань Олегу или Игорю так же, как они платили ее аварам или хазарам. Неудивительно, что они рассматривали киевского

² Поэтому раннегосударственные и аналоговые им общества более заметно отличаются друг от друга, фигурально говоря, верхней (центральной) частью, а нижние их части могут иметь гораздо больше близости, чем различий.

князя еще не столько как их истинного государя, сколько как верховного сборщика дани.

Только постепенно центральная власть формирует политическую сферу и перестраивает общество уже под себя (насколько это, конечно, бывает возможным) с помощью различных методов, о которых шла речь (реформ, поиска новых методов регулирования жизни общества, насилия, собственной идеологии, редистрибуции власти). Чем глубже государственное воздействие, тем сильнее подгоняются общество и политическая форма друг к другу.

Таким образом, в раннем государстве государственная система еще слаба и ее не хватает для решения всех тех задач, которые становятся позже совершенно обязательными для нее. И это тоже показывает принципиальные различия между ранним и сформировавшимся государством. Эрнст Геллнер говорил, что государство – это институт или ряд институтов, основная задача которых (независимо от всех прочих задач) – охрана порядка. Государство существует там, где специализированные органы поддержания порядка, как, например, полиция и суд, выделились из стихии общественной жизни³. Я еще вернусь к этой его мысли, которая более верна именно для зрелого, правильного государства, чем для раннего. Здесь же только подчеркну следующее. С самого своего появления государство неизбежно все сильнее начинает вмешиваться в жизнь общества, изменять и перестраивать ее. И все же, мне думается, главная функция раннего государства (по крайней мере, на стадии государства зачаточного) не столько поддержание порядка внутри общества, сколько обеспечение суверенитета и внешней безопасности. Если государство завоевательное, то это органически дополняется необходимостью держать завоеванные территории в повиновении. Во всяком случае очевидно: внутренний порядок ранние государства регулировали только частично, оставляя многое в руках местного самоуправления. А вот внешние военные задачи изначально монополизируют⁴.

³ Геллнер Э. Нации и национализм. С. 28.

⁴ Но, конечно, в какие-то периоды, например внутренней борьбы граждан, борьбы с экономическими кризисами, в периоды прочного мира, проблемы внутреннего регулирования могли выходить на первый план.

1. 2. Задачи и проблемы подраздела

Мы говорили, что раннее государство возникает **лишь в обществе определенной сложности**, которое достигло необходимого уровня развития, и в частности имеет определенный уровень социокультурной и политической сложности, объем прибавочного продукта и богатства, размер территории, численности населения. Но, как мы видели, **и в таких социумах государство появляется не всегда, а лишь при определенных условиях**. Многие же общества, достигая этих параметров, не образовывали государства, а развивались по иным траекториям⁵. Такие общества я называл **аналогами раннего государства**. Общее представление о таких обществах читатель уже имеет. А в данном подразделе я хочу дать некоторую их классификацию, а также обратить внимание на те черты сходства и отличия аналогов раннего государства от государств, которым было уделено недостаточное внимание. Это первая задача подраздела.

Другая задача заключается в том, чтобы выполнить обещание, которое давалось ранее, то есть основательно разобрать вопрос: *являются ли античные демократические политии ранними государствами или его аналогами*. Обе задачи теоретически связаны между собой. Если Афины и Римская республика – все же ранние государства, тогда надо найти такие определения раннего государства, которые бы относились в равной мере как к монархическим (иерархическим), так и к демократическим; как к бюрократическим, так и небюрократическим государствам. Соот-

⁵ Некоторую литературу, в которой приводятся примеры таких политий, я уже указывал (см.: Гринин Л. Е. Генезис государства... Ч. 1. С. 12). Укажу еще следующие работы: Бондаренко Д. М. и Коротаев А. В. (ред.) Цивилизационные модели политогенеза; Крадин Н. Н. и Бондаренко Д. Б. (ред.) Кочевая альтернатива социальной эволюции; Попов В. А. (ред.) Ранние формы политической организации; Beliaev D. D. *et al.* Hierarchy and Power in the History of Civilizations; Bondarenko D. M., Grinin L. E., and Korotayev A. V. Alternative Pathways of Social Evolution; Bondarenko D. M. and Sledzevski I. V. (eds.) Hierarchy and Power in the History of Civilizations; Crumley C. L. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies; Crumley C. L. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity; Ehrenreich R. M. *et al.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies; McIntoch (ed.) Beyond Chiefdoms.

ветственно возникает вопрос и о типологии ранних государств.

Если же Афины и Римская республика – это аналоги раннего государства, значит, они должны быть включены в классификацию аналогов. Но это означает, что на каком-то этапе социальной эволюции развитие аналогов надо трактовать уже не как боковую, а как генеральную линию эволюции, а государственные ветви – соответственно как боковые. Ибо, разве не являлось развитие республиканского Рима с какого-то времени, скажем, с победы над Ганнибалом, ведущей линией исторического процесса? Следовательно, тогда правомерно считать, что некоторые аналоги могли превосходить некоторые ранние государства не только по уровню социального развития и развития отдельных направлений культуры, ремесла и торговли, но и в политическом и даже в эволюционном плане.

В самом деле, Римская республика дает нам весьма редкий пример политики, которая в течение сотен лет **ни разу** не распалась. А ведь даже такие классические и крепкие и к тому же этнически однородные государства, как Египет и Китай, периодически распадались. Напомню, что устойчивость к распаду выдвигалась (Козном, Карнейро и другими) как важный признак государства. Есть и еще одно очень важное преимущество Рима перед множеством ранних государств: почти общепризнанно, что большинство из них не в состоянии стать зрелыми государствами. Рим же оказался способным к подобной трансформации.

Таким образом, вопрос о том, как классифицировать Афины (и другие античные полисы) и Римскую республику: в качестве ли ранних государств особого типа или аналогов раннего государства – приобретает большое теоретическое значение⁶.

⁶ В частности, думается, от этого будет также зависеть и решение вопроса о признании государством или его аналогом Карфагена, поскольку последний во многих отношениях очень близок к демократическим государствам, особенно Римской республике. Под сомнение можно поставить и государственность в некоторых средневековых, например, итальянских республиках. К сожалению, эти вопросы выходят за рамки возможностей нашего исследования.

2. Еще раз об аналогах раннего государства

2. 1. Эволюционные альтернативы стейтогенеза

Взгляд на государство как на единственно возможный и потому безальтернативный итог развития догосударственных политий все еще доминирует. И это усиливает и без того большие методологические трудности, с которыми столкнулись многие отечественные и зарубежные исследователи при анализе сложных негосударственных обществ и ранних государств⁷.

Однако, как уже не раз говорилось, многие проблемы будет легче решать, если отказаться от идеи, что государство было единственной и универсальной возможностью развития для усложнившихся постпервобытных обществ, и признать, что *были и иные, альтернативные пути для развития подобных обществ, помимо превращения в раннее государство.*

Эти альтернативные раннему государству пути заключались, как мы уже знаем, в том, что с уровня, с которого уже потенциально открывался путь к раннему государству, собственно государствами становилась только часть политий. Другие же (и их могло быть большинство) достигали указанного уровня и часто существенно перерастали его, но тем не менее в раннее государство не превращались. Однако их развитие не прекращалось, просто оно шло как бы параллельным стейтогенезу курсом. Такие общества, которые уже достигли или переросли уровень развития и сложности, позволяющий трансформироваться хотя бы в небольшое и примитивное (зачаточное) раннее государство, были названы мной **аналогами раннего государства.**

⁷ См., например: McIntosh S. K. (ed.). *Beyond Chiefdoms*; McIntosh S. K. *Pathways to Complexity*; Vansina J. *Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neo-evolutionary Theory*; Bondarenko D. M. 'Homologous Series' of Social Evolution... P 213; Гиренко Н. М. *Племя и государство: проблемы эволюции*; Попов (ред.). *Ранние формы политической организации*; Попов В. А. *Политогенетическая контроверза, парapolитейность и феномен вторичной государственности*; Белков П. Л. *Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины?*

О проблемах классификации обществ, уже переросших догосударственный уровень, но не ставших государством, см. также: Lloyd P. *West African Kingdoms and the Earle State*. P. 233; Marcus J. and Feinman G. *Introduction*. P. 6.

Подчеркиваю, что, говоря о некоем уровне потенциальной возможности трансформироваться в государство, я не имею в виду обязательно фактическую (конкретно-историческую) способность стать государством. Особенности географического положения, производственная база, принципы организации общества, историческая ситуация и прочее могли препятствовать такой трансформации. Речь идет о том, что объективные данные: размер, численность населения, уровень социокультурной и / или политической сложности, которых эти общества достигли, – в других ситуациях при наличии конкретных благоприятных условий уже дают возможность начать трансформацию в государство. Это подтверждает тот вывод, который был сделан нами раньше: *структурно-функционально ранние государства отличаются от аналогов не столько уровнем развития, сколько, прежде всего, некоторыми особенностями политического устройства и «техники» управления, а исторически – тем, что первые имели определенное, удачное для образования именно государства сочетание особых условий, а вторые – не имели их.*

Таким образом, до обретения обществом указанных выше **объективных** условий (показателей, параметров) ни при каких благоприятных условиях государство образоваться не может. После обретения обществом таких объективных условий оно уже может стать государством – но только при благоприятных условиях⁸. При их отсутствии потенциально раннегосударственные общества продолжают развиваться, но только как аналоги раннего государства.

Таким образом, по достижению постпервобытными обществами определенного объема и уровня сложности в них начинался тот или иной процесс качественных изменений. Но направлений таких трансформаций было много.

⁸ О некоторых из них мы уже говорили, в том числе связанных с резким изменением привычной ситуации и необходимостью новых решений и реформ, стремлением перераспределить власть (См.: Гринин Л. Е. Генезис государства... Ч. 2. С. 31–35, 68; Ч. 3. С. 7, 50–65. Grinin L. The Early State and its Analogues. P. 155), о других еще будет речь в дальнейшем.

Ретроспективно это множество путей имеет смысл разделить на два главных:

– непосредственное преобразование в раннее государство (более редкий путь, по крайней мере, до тех пор, пока государственность не стала широко распространенной);

– трансформация в аналог государства.

В свою очередь, пути развития аналогов также различны. Одни оказываются вовсе не способными стать государством, как по самой своей природе, так и из-за того, что их политогенез был насильственно прерван (в нижеприведенных примерах это ирокезы, туареги, хунну, галлы и другие). Другие аналоги превращаются в государство. Однако такой переход осуществляется по достижению уже весьма высокого уровня развития и сложности, вполне сравнимого с уровнем многих государственных обществ. Причем уровень, с которого разные аналоги превращаются в государство, сильно варьирует. Одни аналоги трансформируются в государство, имея население 10–15 тыс. человек, другие – уже много десятков тысяч, а третьи – сотни тысяч. Фактически некоторые аналоговые общества до преобразования в государство делают еще одну-две трансформации, превращаясь в еще более сложный и крупный аналог (примеры мы увидим далее).

Все это значит, что переход к государству в разных обществах осуществляется не с одного и того же, как обычно полагают, а с очень разных уровней социокультурной и политической сложности. Если этого не учитывать, то невозможно понять, ни какие условия требуются для образования раннего государства, ни какова его специфика по сравнению с другими типами политий, а значит, и не получится дать удачную дефиницию раннего государства.

Однако другая сторона вопроса заключается в том, что общество, которое позже (по отношению к периоду, в котором мы его рассматриваем) должно превратиться в государство (с какого бы высокого этапа развития это ни происходило) все равно является **догосударственным**. И это, на первый взгляд, означает как бы противоречие в моей

теории аналогов раннего государства. В самом деле, как аналоги могут одновременно быть и догосударственными, и равными государству политиями? Однако никакого противоречия тут нет. Дело в том, что можно вести речь о **стадиально** догосударственных и **исторически** догосударственных обществах. А это большая разница. Аналоги выступают только как **исторически** догосударственные, но не как стадиально догосударственные.

Другими словами, стадиально аналоги раннего государства были равны ранним государствам (и те и другие находились на одной – раннегосударственной – стадии политогенеза), но исторически оставались догосударственными.

Для лучшего понимания такого разграничения можно провести следующую аналогию. Скотоводство может исторически предшествовать земледелию, но стадиально – это равные виды производства⁹. Можно привести и более близкую россиянам аналогию. Если считать капитализмом господство негосударственного капитала в промышленности, то сегодня Россию в этом смысле уже можно назвать капиталистическим обществом. Но тогда социализм неожиданно оказывается **докапиталистическим** строем. Однако, очевидно, что он не равен докапиталистическому феодальному строю. Феодализм был и стадиально, и исторически докапиталистическим, а социализм был индустриальным обществом и выступал как аналог капиталистического индустриального хозяйства.

Таким образом, я предложил разделить все догосударственные общества на две группы: **стадиально (принципиально)** догосударственные, и стадиально равные раннему государству. Первые – при наличном уровне сложности и размеров **не могут** образовать раннее государство. Вто-

⁹ Кстати, в однолинейных представлениях ученых XVIII века (Тюрго, Барнава, Робертсона, Миллера, Фергюсона, А. Смита, Десницкого и других) скотоводство стадиально предшествовало земледелию. И такое ошибочное представление держалось примерно до середины XIX века (см.: Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая. С. 15). Это показывает, как легко принять исторически предшествующую стадию (каким часто выступало скотоводство по сравнению с земледелием) за стадиально предшествующую.

рые – объективно уже **способны** образовать государство. Они и есть **аналоги раннего государства**¹⁰. При этом многие аналоги, находясь на одной стадии эволюции с ранними государствами, исторически были догосударственными политиями.

И еще одно принципиальное замечание. Стадиальное равенство означает только нахождение в объеме одной стадии развития. Но оно не означает равенства и по всем остальным параметрам. Одни социальные организмы и явления в рамках стадии выступают более развитыми, прогрессивными, универсальными, перспективными, чем другие. Именно так и обстоит дело в отношении ранних государств и аналогов. Иначе раньше или позже аналоги не стали бы трансформироваться в государства.

2. 2. Аналоги раннего государства: классификация

Следует учитывать, что приведенные ниже в примерах аналоги сильно отличаются друг от друга по развитости и размерам. Однако во всех случаях речь идет либо об унитарных политиях, либо о прочных политических союзах с институционализированными механизмами объединения. Последние имели какие-то общие верховные органы и механизмы, поддерживающие политическую устойчивость, и представляли, по крайней мере, с точки зрения иных обществ, некое постоянное единство. Народы, имеющие только культурное единство, а политически способные объединяться лишь кратковременно для определенных действий (вроде нуэров или берберов¹¹), нельзя считать аналогами раннего государства.

Все приведенные ниже примеры – это общества, население которых достигает, по крайней мере, несколько ты-

¹⁰ Я говорил о таком делении в предыдущих частях работы. См также: Grinin L. The Early State and its Analogues.

¹¹ У берберов Магриба в XIX–начале XX веков сознание племенной солидарности проявлялось даже реже, чем сознание деревенского единства. Жители деревень, принадлежавших к одному племени, обычно объединялись лишь во времена войн, восстаний, природных катастроф (Бобровников В. О. Берберы. С. 188). О нуэрах см.: Рэдклиф-Браун Э. Э. Нуэры.

сяч человек. Однако население многих описанных ниже аналогов составляет десятки, сотни тысяч, а то и миллионы человек. Вопрос о роли размеров обществ и численности населения в политогенезе будет рассмотрен сразу после классификации аналогов.

Все аналоги отличаются от ранних государств особенностями политического устройства и управления. Однако, как мы видели, в каждом типе аналогов это проявляется по-разному. Например, в самоуправляющихся общинах недостаточно прослеживается отделение власти от населения; в конфедерациях – налицо слабость централизации власти и т. п. Поэтому я старался классифицировать аналоги по особенностям их политической формы, хотя полностью провести этот принцип достаточно трудно. Можно выделить следующие типы и подтипы аналогов.

Во-первых, некоторые самоуправляющиеся общины и территории.

А) Городские и полисные, особенно при наличии развитой торговли. Примерами таких самоуправляющихся городских общин являются города этрусков (о них еще будет сказано далее) и некоторые (но, конечно, далеко-далеко не все) греческие полисы¹²; храмово-городские общины Аравии (Северо-восточный Йемен II–III вв. н. э.)¹³, возможно, некоторые города Галлии, где в целом насчитывалось до тысячи «подлинных городов», население некоторых из них достигало десятков тысяч человек¹⁴.

Б) Достаточно крупные самоуправляющиеся **переселенческие** территории (вроде Исландии X–XIII вв.)¹⁵. Ис-

¹² Например, Дельфийский полис. Об этой политике мы еще будем говорить в следующем параграфе. В качестве аналогов интересны также политические образования в Греции (их было немало), не имевшие собственных городских центров, однако воспринимавшиеся и самими гражданами и другими эллинами как полисы (см. Античная Греция. С. 10).

¹³ См.: Korotayev et al. *Alternatives of Social Evolution...* P. 23; Коротаев А. В. *Племя как форма...* С. 266; Коротаев А. В. *Сабейские этюды.* С. 136–137.

¹⁴ Шкунаев С. В. *Община и общество западных кельтов.* С. 143, 134.

¹⁵ Некоторые сведения об Исландии уже приводились ранее См.: Гринин Л. Е. *Генезис государства как составная часть...* Ч. 2. С. 30; Ч. 3. С. 50–53.

ландия дает нам интересный пример превращения малого аналога в более крупный, а также того, как рост объемов и сложности общества постепенно все же склоняет развитие аналогов к государственности. В конце XI века в Исландии насчитывалось примерно 4500 сельскохозяйственных дворов¹⁶, а население, вероятно, составляло где-то 20–30 тыс. человек. Оно затем сильно увеличилось и в XIII в. достигло 70–80 тыс. человек¹⁷. Соответственно изменилась и социальная структура общества. В начале XI в. было принято решение о разделе крупных земельных хозяйств знати (хавдингов) между фермерами (бондами), который завершился в середине XI столетия¹⁸. Таким образом, Исландия превратилась в общество фермеров-средняков. Однако через некоторое время вследствие роста населения число арендаторов («держателей») земли вновь стало увеличиваться, и в конце концов они начали составлять большинство населения. В результате уже в XII столетии имущественное и социальное неравенство вновь так усилилось, что стало влиять на трансформацию основных институтов исландского общества¹⁹.

Необычайно ожесточились и кровавые раздоры, хотя ранее военные действия не были ни столь жестокими, ни столь массовыми. В столкновениях подчас принимали участие не единицы или десятки людей, а сотни и даже тысячи. Причинами междоусобиц среди хавдингов все чаще были жажда добычи и власти²⁰. Таким образом, необходимый элемент насилия, прежде в Исландии почти отсутствующий, стал усиливаться, что, несомненно, способствовало движению общества именно к государственности.

В) Территории, на которых жили крупные группы различного рода изгоев, имеющие свои органы самоуправления и представляющие собой организованную и грозную

¹⁶ Филатов И. Исландия. С. 342.

¹⁷ Там же. С. 343.

¹⁸ Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа. С. 179–191.

¹⁹ Гуревич А. Я. История и сага. С. 8, 9.

²⁰ Там же. С. 9.

военную силу, например, донские и запорожские казаки²¹ и, если Гумилев прав, возможно, и жужани²².

Во-вторых, это некоторые большие племенные союзы, с достаточно сильной властью верховного вождя («короля», хана и т. п.).

А) Более или менее устойчивые союзы племен, этнически однородные или имеющие крепкое моноэтническое ядро. Примером могут служить некоторые германские племенные объединения периода великого переселения народов (бургунды, салические франки, вестготы, остготы и другие), которые насчитывали 80–150 тыс. населения²³; союзы племен некоторых галльских народов, в частности в Бельгике и Аквитании²⁴.

Б) Очень крупные политии, возникшие в результате успешных войн (вроде гуннского союза Аттилы V в. н. э.²⁵, аварского каганата хана Баяна второй половины VI в. н. э.), но непрочные и этнически разнородные. Близким к такому типу был союз во главе с готским вождем Германарихом в Северном Причерноморье в IV в. н. э., который состоял из многих разноязычных, чуждых друг другу племен, в том числе кочевых и земледельческих²⁶.

²¹ О казаках как об аналогах см.: Korotaev *et al.* *Alternatives of Social Evolution...* P. 19.

²² Он писал: «У жужаней, как у народа, не было единого этнического корня. Происхождение жужаньского народа было несколько своеобразно. В смутные времена всегда бывало много людей, выбитых из седла и скомпрометированных. Немало таких оказалось и в середине IV в. (н. э. – *Л. Г.*). Все, кто не мог оставаться в ставке тобасского хана или в столице хуннского шаньюя, бежали в степь. Туда же бежали от жестоких господ невольники, из армий – дезертиры, из обедневших деревень – нищие крестьяне. Общим у них было не происхождение, не язык, не вероисповедание, а судьба, обрекая их на нищенское существование; она-то властно принуждала их организоваться» (Гумилев Л. Н. *Древние тюрки*. С. 11–12). Но вообще вопрос о происхождении жужаней весьма дискуссионен (О жужанях подробнее см.: Крадин Н. Н. *Общественный строй жужаньского каганата*. С. 80–94).

²³ См., например: Бессмертный У. Л. *Возникновение Франции*. С. 40; Неусыхин А. И. *Дофеодальный период...*; Удальцова З. В. *Остготы*. С. 654.

²⁴ См.: Шкунаев С. В. *Община и общество западных кельтов*. С. 140.

²⁵ См.: Корсунский А. Р. и Гюнтер Р. *Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств*. С. 105–116.

²⁶ *История СССР...* С. 324.

В) Промежуточным типом между аналогами, описанными в пп. А и Б могут служить союзы племен под руководством того или иного выдающегося лидера, состоящие из этнически близких народов, но не очень прочные, обычно распадающиеся после смерти лидера или даже при его жизни (как это случилось с союзом Маробода). В I до н. э. – II в. н. э., например, у германцев возникали крупные союзы: свевский союз Ариовиста, союз херусков Арминия, маркоманский союз Маробода, батавский союз Цивилиса и другие²⁷. О масштабах некоторых образований можно судить по союзу Маробода (конец I в. до н. э. – начало I века н. э.). Маробод объединил маркоманов с лугиями, мугилонами, готами и другими народами, и создал крупную армию по римскому образцу, насчитывающую 70 тысяч пехоты и 4 тысячи конницы²⁸. Маробод был разбит вождем херусского союза Арминием²⁹. Другими примерами подобных аналогов являются гето-дакский союз Бурбисты³⁰ и объединение славянских племен Богемии и Моравии (так называемое государство Само)³¹. Весьма интересно, что его глава Само, по свидетельству хроники Фредегара и, по мнению ряда ученых, был не славянином, а франкским купцом³².

К подобному типу следует отнести и различные (средних размеров) объединения кочевников под руководством одного лидера, иногда не переживающие смерти вождя, иногда имеющие короткие династии. Таким был, например,

²⁷ См. о них: Неусыхин А. И. Дофеодальный период... С. 601–602.

²⁸ Маробод. С. 123.

²⁹ Арминий был, несомненно, выдающийся полководец. Херуски вместе с другими племенами под его руководством одержали знаменитую победу над римскими легионами Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э. Арминий погиб в результате заговора херусской знати, недовольной его стремлением к единовластию. И это еще один факт, свидетельствующий о почти повсеместной борьбе центробежных и центростремительных сил в политогенезе и стейтогенезе (см. Арминий. С. 746).

³⁰ См. о нем: Федоров Г. В. и Полевой Л. Л. «Царства» Бурбисты и Децебала: союзы племен или государства?

³¹ Об этой политике см.: Lozny L. The Transition to Statehood in Central Europe. P. 86–87.

³² Само. С. 512–513. См. также: Ванчура В. Картины из истории народа чешского. Кн. I. С. 23–26.

восточный (донской) союз половцев под руководством хана Кончака и его сына Юрия Кончаковича³³.

Г) Крупные образования, которые удерживались в единстве в основном силой авторитета вождей, а не силой принуждения. Например, доинкское вождество Лупака (XV в.) в Перу имело население более 150 тыс. человек и им управляли два верховных вождя без института принудительной силы, а специализированный и принудительный труд имел место, по сути, на основе взаимного согласия³⁴.

В-третьих, большие племенные союзы и конфедерации, в которых королевская власть отсутствовала.

А) Примерами таких племенных союзов без королевской власти могут служить саксы в Саксонии; эдуи, арверны, гельветы в Галлии. Причем необходимо особо подчеркнуть, что процессы социального и имущественного расслоения у них (особенно у галлов) зашли весьма далеко и опережали политическое развитие.

У саксов (в Саксонии) до их завоевания Карлом Великим королевская власть отсутствовала, но во главе племенных подразделений стояли герцоги. Общее военное командование осуществлял герцог, избранный по жребию³⁵. Политическая организация всей территории осуществлялась в форме своеобразной федерации отдельных областей. Общие дела решались на собрании представителей областей в Маркло на Везере³⁶. Саксы делились на три социальных слоя (за исключением рабов): родовую знать (эделингов-нобилей), свободных (фрилингов-liberi) и полусвободных литов. При этом существовали резкие различия в правовом статусе между нобиями и фрилингами³⁷, что было

³³ См.: История СССР. С. 457–462. Примеры такого рода объединений кочевников можно найти в работах Крадина («Кочевые общества», «Империя хунну», «Структура власти в кочевых империях» и др.). О половцах (а также об огузах, печенегах и других) см.: Васютин С. А. Типология потестарных и политических систем кочевников. С. 95–96.

³⁴ Schaedel R. The Temporal Variants of Proto-state Societies. P. 52.

³⁵ Колесницкий Р. Ф. Об этническом и государственном развитии средневековой Германии. С. 186.

³⁶ Там же.

³⁷ Неусыхин А. И. Дофеодальный период... С. 608; Саксы. С. 479.

юридически закреплено в Саксонской правде. В первых двадцати статьях этого кодекса нобили выступают единственными носителями правовых норм³⁸.

Галлия времен завоевания Юлием Цезарем была очень богатой территорией с огромным населением, по разным подсчетам, от 5 до 10 и более млн человек³⁹ с большим количеством городов, развитыми торговлей и ремеслами. Социальное расслоение было велико⁴⁰. По свидетельству Цезаря, простой народ жил на положении рабов⁴¹. В то же время знатные галлы имели по несколько сот, а самые знатные по несколько (до десяти) тысяч клиентов, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и тем самым противостоящее основной массе галлов⁴². В аристократических без королевской власти *civitas*, (так римляне называли территорию племенных объединений в Галлии) имелось отчетливое военное единство, а механизмы принятия политических и иных решений реализовывались через посредство одного или нескольких выборных магистратов – вергобретов⁴³. Численность отдельных племенных союзов и конфедераций была очень большой. Например, число гельветов, которые под давлением свевов стремились в 58 до н. э. переселиться в Западную Галлию, по разным данным составляла от 250 тыс. до 400 тыс.⁴⁴

Б) Конфедерации различных по форме обществ, порой образующие весьма устойчивые и сильные с военной точки зрения политические образования. Например, конфедерации племен, вроде ирокезов⁴⁵, туарегов⁴⁶, печенегов⁴⁷. Правда,

³⁸ Саксонская правда. С. 475.

³⁹ Бродель Ф. Что такое Франция? С. 61–62.

⁴⁰ Clark G. and Piggott S. Prehistoric Societies. P. 310–328.

⁴¹ Леру Ф. Друиды. С. 125.

⁴² Бессмертный У. Л. Возникновение Франции. С. 17; Записки Юлия Цезаря. С. 9.

⁴³ Шкунаев С. В. Община и общество западных кельтов. С 139, 140, 144.

⁴⁴ См., например: Шкунаев С. В. Кельты в Западной Европе. С. 503.

⁴⁵ Об ирокезах см.: Фентон У. Т. Ирокезы в истории; Vorobyov D. V. The Iroquois.

⁴⁶ См. Першиц А. И. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. См. также: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. С. 28.

⁴⁷ О печенеггах см.: Marey A. V. The Socio-Political Structure of the Pechenegs; а также Васютин С. А. Ук. соч. С. 95.

тут уместно процитировать Хазанова, что большинство «федераций» и «конфедераций» (по крайней мере, у кочевников) создавалось отнюдь не на добровольной основе⁴⁸.

В) Конфедерации городов, подобно этрусской конфедерации⁴⁹. Сами этрусские города, в которых было олигархическое правление военно-служивой знати⁵⁰, скорее всего не являлись государствами (насколько можно судить по скудным данным), а представляли собой аналоги малого государства. А их федерация представляла собой аналог уже среднего государства⁵¹. В известной мере аналогом среднего государства выступал и союз немецких городов – Ганза в XIII–XV вв. Этот союз в период своего расцвета объединял около 160 городов⁵² и был способен выигрывать войны у Дании.

Д) Автономные сельские территории, представляющие собой федерацию (или конфедерацию) сельских политически независимых общин, например, у горцев⁵³.

Примером может служить Нагорный Дагестан⁵⁴. Общины (джамааты), входившие в федерацию (т. н. «вольное общество»), иногда и сами по себе представляли весьма крупные поселения. Некоторые общины насчитывали до 1500 и более домов⁵⁵, то есть были размером в небольшой полис, и имели многоуровневую (до пяти уровней) систему

⁴⁸ Хазанов А. М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе. С. 48.

⁴⁹ Об этрусских городах мы уже вели речь. См.: Гринин Л. Е. Генезис государства... Ч. 1. С. 21.

⁵⁰ Неронова В. Д. Этрусские города-государства... С. 376.

⁵¹ Однако и государства могут быть членами сложного аналога среднего и крупного государств. Думается такими были союзы полисов в Греции (Афинского, Пелопонесского, Коринфского). Интересны в этом плане и «мультиполитии», состоящие из более или менее сильных государств в центре и сильных вожеств или племен на периферии плюс политически автономные гражданско-правовые или гражданско-храмовые общины (Korotayev A. V. *et al.* Alternatives of Social Evolution... P. 23; Коротаяев А. В. Племя как форма... С. 266).

⁵² Подаляк Н. Г. Ганза С. 125.

⁵³ См.: Korotayev A. V. Mountains and Democracy.

⁵⁴ См.: Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане ...

⁵⁵ Там же. С. 207.

самоуправления⁵⁶. А федерация, иногда объединявшая по 13 и более сел, представляла собой политическую единицу в десятки тысяч человек, с еще более сложной организацией. Между семейными группами (тухумами) существовало социальное неравенство и различие в рангах⁵⁷. Другим примером служат группы деревень (village groups) в юго-восточной Нигерии, объединяющие нередко десятки деревень с общим населением в десятки (до 75) тысяч человек. Каждая такая группа деревень имеет собственное название, внутреннюю организацию и центральный рынок⁵⁸.

В-четвертых, это сверхкрупные объединения кочевников, таких, как хунну, внешне напоминавшие крупные государства, которые Крадин называет «кочевыми империями» и определяет как суперсложные вожества. «Кочевые империи» внутренней Азии, по мнению Крадина, имели население до 1–1,5 млн. чел⁵⁹.

Мне думается, что суперсложным вожеством можно считать и Скифию VI–V вв. до н. э. Это было крупное иерархическое многоуровневое объединение с идеологией родового единства всего общества, с редистрибуцией (дань и повинности), обладающее военным единством. Скифия делилась на три царства во главе с царями, один из которых, по-видимому, был верховным правителем. Имеется также мнение, что в целом Скифия управлялась обособленным царским родом, который правил по принципам улусной системы⁶⁰. Цари имели собственные военные дружины. У скифов выделялись сословие жрецов и аристократия. Последняя имела частные дружины воинов и большие богатства. Методы управления в Скифии, однако, оставались еще в основном традиционными, поэтому ранним государством ее считать нельзя, но и на обычное догосударственное общество она никак не походит. В конце V – первой

⁵⁶ См.: Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане ... С. 186.

⁵⁷ Там же. С. 131.

⁵⁸ McIntosh S. K. Pathways to Complexity: an African Perspective. P. 9.

⁵⁹ Крадин Н. Н. Кочевники в мировом историческом процессе. С. 127; Империя хунну. С. 79.

⁶⁰ См.: Хазанов А. М. Социальная история скифов. С. 196–199.

половине IV века до н. э. при царе Атее в Скифии происходит переход к раннему государству⁶¹. Этот царь устранил других царей, узурпировал власть и объединил всю страну от Меотиды (Азовского моря) до низовьев Дуная и даже стал продвигаться на запад за Дунай⁶².

В-пятых, в связи с вышесказанным, становится очевидно, что многие (и уж тем более очень крупные) сложные вождества можно считать аналогами раннего государства, поскольку по размерам, населенности и сложности они не уступают малым и даже средним государствам. Некоторые примеры таких сложных вождеств уже приводились выше. Но стоит взять еще пример гавайцев.

Как известно, гавайцы достигли значительных хозяйственных успехов, в частности в ирригации⁶³, очень высокого уровня стратификации и аккумуляции прибавочного продукта элитой⁶⁴, основательного идеологического обоснования привилегий высшего слоя. К моменту открытия их Джеймсом Куком здесь сложилась политическая система, когда сосуществовало несколько крупных вождеств. Хотя войны были обычным явлением, за тридцать лет до прибытия Кука был заключен мирный договор между вождествами⁶⁵. Число жителей отдельных вождеств колебалось от 30 до 100 тыс. человек⁶⁶. Вождества делились на районы от

⁶¹ История СССР с древнейших времен... С. 220.

⁶² Там же. По вопросу о времени возникновения государства у скифов нет единой точки зрения (см., например: Смирнов А. Р. Скифы. С. 146–150). Я присоединяюсь к мнению тех, кто считает, что это произошло именно при царе Атее по следующим причинам: в политическом и социальном отношении произошло устранение других царей и усиление царской власти. Территория политики расширилась, усилились этническая неоднородность и эксплуатация зависимого населения, а также и процесс социальной стратификации. В экономическом отношении появился более прочный базис для государства в результате расширения торговли, которую контролировала верхушка общества, и усилившегося процесса перехода части скифов к оседлости (Хазанов А. М. Ук. соч.; История СССР... С. 219–220).

⁶³ См.: Earle T. K. *How Chiefs Come to Power*; Earle T. K. *Hawaiian Islands*; Johnson A.W. and Earle T. K. *The Evolution of Human Societies*; Wittfogel K. A. *Oriental Despotism*. P. 241.

⁶⁴ Earle T. K. *Op. cit.*; Johnson A. W. and Earle T. K. *Op. cit.*; Sahlins M. D. *Social Stratification in Polynesia*.

⁶⁵ Seaton L. *The Early State in Hawaii*. P. 271.

⁶⁶ Johnson A. W. and Earle T. K. *Op. cit.* P. 246.

4 до 25 тыс. человек⁶⁷. Таким образом, все условия для образования раннего государства в этих вождествах были: достаточная территория с разделением на районы и большое население, высокая степень социальной стратификации и значительный прибавочный продукт, сильная власть верховного вождя и жесткая иерархия власти, развитая идеология и территориальное деление, а также и другое. Однако государства не было.

В то же время величина и развитость гавайских вождеств и тем более вождества непосредственно на самом о. Гавайи дают основания считать их аналогами ранних государств. Для доказательства этого утверждения стоит сделать некоторые сравнения. Население этого самого крупного вождества гавайского архипелага составляло сто тысяч человек⁶⁸, что в **сто** раз превосходит численность населения типичного простого вождества, такого, например, какие были на тробриандских островах⁶⁹. По мнению Джонсона и Ёрла, только число вождей на о. Гавайи могло доходить до **тысячи человек**, то есть равнялось всему количеству жителей одного тробриандского вождества⁷⁰. Такова разница между принципиально догосударственной политией и аналоговой раннему государству! Если же прибавить к числу вождей на о. Гавайи других представителей элиты (управляющих землями, жрецов, дружинников) и членов их семей, то, думается, численность элиты превысила бы число всех жителей самых мелких государств на Таити, население которых, согласно Классену, составляло 5000 человек⁷¹. Таким образом, гавайские политии вполне сравнимы с ранними государствами и даже превосходят некоторые из них по размерам, населенности, социокультурной сложности, степени социальной стратификации и централизации власти. Все это доказывает, что гавайские сложные вожде-

⁶⁷ Harris M. Cultural Anthropology. P. 152.

⁶⁸ Johnson A. W. and Earle T. K. Op. cit. P. 285.

⁶⁹ Ibidem. P. 267–279.

⁷⁰ Ibidem. P. 291.

⁷¹ Claessen H. J. M. Was the State Inevitable? P. 107.

ства можно считать аналогами малых и средних ранних государств.

Я думаю, что близким к размерам (в десятки тысяч) и уровню развития не самых крупных гавайских вожеств было и сложное вождество на островах Тонга, где население делилось на три ранга (касты). Представители высшей касты *эги* (благородные) были вождями, которые имели свои дружины, большие богатства, много клиентов и зависимых людей. Во главе тонгайского общества стояли два верховных правителя: светский (профанный), имеющий основную власть, и сакральный⁷². Заимствование новых видов оружия и новых военных методов сначала у фиджийцев, а затем и у европейцев усилило междоусобные войны среди тонгайских вождей. Это, в конце концов, привело в 1845 году к объединению островов под властью короля-христианина Тубоу I⁷³, что и ознаменовало образование раннего государства в тонгайском обществе.

Следует указать, что некоторые авторы относят к альтернативным раннему государству формам и другие типы обществ. В частности, Д. М. Бондаренко считает, что Бенин XIII–XIX веков следует рассматривать не как раннее государство, а как особый тип комплексного негосударственного иерархического социополитического организованного общества. Такое общество он называет «мегаобщиной», поскольку оно было сверху донизу охвачено общинными и квазиобщинными отношениями и понятиями и в целом представляло как бы одну гигантскую «мегаобщину»⁷⁴.

Еще один пример – конфедерация Ашанти в XVIII в. В. А. Попов определяет ее как «союз племен, аналогичный Лиге ирокезов, Конфедерации криков, Союзу гурунов» и т. п. надплеменным образованиям⁷⁵. Правда, по тем харак-

⁷² Токарев С. А., Толстов С. П. Народы Австралии и Океании. С. 612–615.

⁷³ Там же. С. 670–671.

⁷⁴ См. в частности его работы: *Precolonial Benin; 'Homologous Series' of Social Evolution...; Benin; Доимперский Бенин... и другие*. Однако я не включил «мегаобщину» в свою классификацию аналогов, поскольку сам считаю Бенин скорее ранним государством, чем особым альтернативным типом аналога государства.

⁷⁵ Попов В. А. Политогенетическая контроверза... С. 189. Правда, в социальном плане ашантийцы существенно опережали ирокезов и других индейцев Северной Америки. Кроме того, конфедерация ашанти была и существенно больше

теристикам, которые дает Попов, ашантийская конфедерация все же более похожа на примитивное государство, чем на аналог (наличие определенных административных органов управления, тенденция к замене родоплеменной знати служивой знатью; начало налогообложения; проведения ряда реформ в управлении, особенно реформ Осея Коджо, и т. п.)⁷⁶. Не случайно сам Попов говорит о том, что у ашанти имелся некий «синдром государства», но вот в марксистском понимании государства не было⁷⁷.

2. 3. Аналоги раннего государства: размеры и некоторые характеристики

Вопрос о размерах аналогов раннего государства приобретает очень важное значение, поскольку есть прямая зависимость: чем больше населения в политике, тем выше (при прочих равных условиях) сложность устройства общества, поскольку новые объемы населения и территории могут требовать новых уровней иерархии и управления⁷⁸. Но раз аналоги сравниваются с ранним государством, то необходимо посмотреть, какие размеры считаются минимально необходимыми для ранних государств. Однако по данному вопросу единого мнения нет.

Иногда выстраивают такую шкалу: простое вожжество – население тысячи человек; сложное вожжество – десятки тысяч человек; государство – сотни тысяч и миллионы человек⁷⁹. При этом получается внешне стройная и безупреч-

по населению. Еще в XVII вв. она могла выставить до 60 тыс. воинов (см.: Попов В. А. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. С. 119). Сравните с 20 тыс. общего населения ирокезов.

⁷⁶ Попов В. А. Политогенетическая контроверза... С. 189–195; Попов В. А. Этносоциальная история аканов... С. 131.

⁷⁷ Попов В. А. Политогенетическая контроверза... С. 194.

⁷⁸ См., например: Carneiro R. On the Relationship Between Size of Population and Complexity of Social Organization; Johnson A. W. and Earle T. K. Op. cit. P. 2, 181.

⁷⁹ Johnson A. W. and Earle T. K. Op. cit. P. 246, 304. Похожих взглядов придерживается и Л. С. Васильев, который пишет, что раннее государство по сравнению с вожжеством представляет собой многочисленную структуру, объединяющую многие сотни тысяч, а то и миллионы этнически гетерогенных жителей, а вожжество, даже наиболее крупное и сложное, – только десятки тысяч (Васильев Л. С. Проблемы генезиса Китайского государства. С. 45).

ная линия уровней культурной эволюции: семья (семейная группа), локальная группа, коллективы во главе с бигменами, вождество, сложное вождество, архаическое государство, национальное государство⁸⁰.

Для построения схемы эволюции в целом такая линия является продуктивным приемом, но для наших целей она не годится. Ведь в ней полностью проигнорированы государства размерами от нескольких тысяч до 100 тысяч, которые есть даже и сегодня (например, Науру, Кирибати), а в древности и средневековье было гораздо больше. В то же время высказывается также мнение, если и не беспорочное, то заслуживающее внимания, что первые государства (имеется в виду первичные, по определению Фрида, государства) всегда и всюду бывают мелкими, охватывая одну территориальную общину или несколько связанных между собой общин⁸¹. Следовательно, в этом плане ранние государства размером от нескольких тысяч до 100–200 тыс. чел. имеют особый интерес для исследователей стейтогенеза. Мне также представляется оправданной точка зрения Классена, который считает, что для образования государства в политике должно быть не менее нескольких тысяч человек. Классен добавляет, что самые малые государства на Таити имели население не менее 5000 человек⁸². Но это, конечно, самый нижний предел для раннего государства. Это пограничная зона, поскольку и стадияльно догосударственные политики могут иметь такое и даже большее население. Особенно если речь идет о переходном периоде, когда догосударственное общество уже почти созрело к тому, чтобы перейти этот рубеж.

Дьяконов приводит интересные данные о предполагаемом населении городов-государств Двуречья («номовых» государств, как он их называет) в III тыс. до н. э. Население всей округи Ура (площадью 90 кв. км.) в XXVIII–XXVII вв. до н. э. составляло предположительно 6 тыс. человек, из

⁸⁰ Johnson A. W. and Earle T. K. Op. cit P. 245.

⁸¹ Дьяконов И. М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. С. 34.

⁸² Claessen H. J. M. Was the State Inevitable? P. 107.

них 2/3 в самом Уре. Население «нома» Шуруппак в XXVII–XXVI вв. до н. э. могло составлять 15–20 тыс. Население Лагаша в XXV–XXIV вв. до н. э. приближалось к 100 тыс. чел.⁸³

Можно привести и другие примеры. Население в 10–20 или даже более тысяч человек каждое, вероятно, составляли и самые крупные государства на Таити (Папара, Таутира и др.), поскольку население всего архипелага Таити к моменту прибытия европейцев могло составлять от 35 до 200 тыс. чел., но первая цифра выглядит слишком скромной⁸⁴. Среднюю цифру 80–100 тыс. чел. дают другие источники⁸⁵. Население в 40–50 тыс. предположительно могло быть в раннем государстве периода 100 г. до н. э. – 250 г. н. э. в Монте-Албане в долине Оахака в Мексике⁸⁶.

Если в V в. до н. э. население даже таких крупных городов в Греции, как Спарта, Аргос, Фивы, Мегары, составляло от 25 до 35 тыс. человек⁸⁷, значит, даже с учетом сельских жителей население многих греческих государств (исключая, конечно, такие как Афины, Коринф, Сиракузы) находилось в интервале нескольких десятков тысяч человек. А в более раннюю эпоху оно, видимо, было и того меньше. Для примера можно привести сведения об известном причерноморском полисе Ольвия. Население этого города даже в эпоху его расцвета (V–IV вв. до н. э.) вряд ли превышало 15 тыс. человек⁸⁸. Население самых крупных городов Северной Италии (с округой они представляли города-государства), таких как Милан и Венеция, в XII–XV вв. едва ли превышало 200 тыс. человек⁸⁹. Население большинства других городов-государств было существенно меньше. Население Пизы, весьма богатого и политически активного города, в 1164 г. было всего 11 тыс. чел. Быст-

⁸³ Дьяконов И. М. История древнего Востока. С. 167, 174, 203.

⁸⁴ Claessen H. J. M. Early State in Tahiti. P. 444.

⁸⁵ Равва Н. П. Полинезия. С. 8.

⁸⁶ Kowalewski *et al.* 1995. P. 96.

⁸⁷ Древняя Греция. С. 241.

⁸⁸ История СССР... С. 236.

⁸⁹ История Италии. С. 252, 329. См. также: Луццатто Дж. Экономическая история Италии. С. 283.

рый рост города увеличил население вчетверо, однако все равно оно едва достигало в 1233 г. 50 тыс. чел.⁹⁰. Примерно таким же (50–60 тыс.) было и население Флоренции в XIV в.⁹¹. Население менее известного маленького государства Сан-Джаминьяно в начале XIV в. равнялось 14 тыс. чел.⁹²

Наряду с такими небольшими государствами было много средних и крупных, с населением во многие миллионы⁹³. Таким образом, различия в численности населения (и соответственно сложности устройства) ранних государств можно условно отразить в следующей схеме:

малое раннее государство – от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек;

среднее раннее государство – от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч;

крупное раннее государство – от нескольких сот до 2–3 миллионов;

очень крупное раннее государство – свыше 3 миллионов человек. Соответственно и аналоги раннего государства надо подразделить на:

аналоги малого раннего государства;

аналоги среднего раннего государства;

аналоги крупного раннего государства.

Должно быть очевидным, что аналоги раннего, среднего и крупного государств заметно отличаются друг от друга. Соотношение размеров ранних государств и их аналогов см. в таблице 1.

Критическим для аналога раннего государства можно считать размер в несколько сот тысяч человек. Это, вероятно, уже предел, за которым такая полития или разваливается, или трансформируется в государство. Поэтому аналоги крупного государства очень редки. Из нижеприведенных

⁹⁰ Там же. С. 208.

⁹¹ Рутенберг В. И. Итальянский город. С. 74, 112.

⁹² История Италии. С. 261.

⁹³ Например, государство Инков, оценки численности населения которого колеблются от 3 до 37 млн чел. (см.: Schaedel R. Early State of the Incas. P. 293–294). См. также: Johnson A. W. and Earle T. K. Op. cit. P. 246, которые определяют население государства Инков в 14 млн чел.

примеров это только некоторые объединения кочевников. Население этих суперкрупных вождеств, даже по самым оптимистическим подсчетам, никогда не превышало 1,5 млн чел.⁹⁴ Следовательно, такие аналоги соответствуют только малым из крупных государств. Аналогов же очень крупного раннего государства, я думаю, просто не могло быть.

ТАБЛИЦА 1
Типы ранних государств
и аналогов ранних государств

Размер политии	Тип раннего государства и примеры	Тип аналогов раннего государства и примеры
1. От нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч чел.	Малое раннее государство (Ур в XVIII–XVII в. до н. э.)	Аналог малого раннего государства (Исландия в XI веке)
2. От нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч чел.	Среднее малое государство (Гавайи)	Аналог среднего раннего государства (эдуи, арверны, геллы в Галлии до Цезаря)
3. От нескольких сотен тысяч до 3 млн чел.	Крупное раннее государство (Франкское государство в VI–VIII в. н. э.)	Аналог крупного раннего государства (хунну 200 до н. э. – 48 н. э.)
4. Свыше 3 млн чел.	Очень крупное раннее государство (Римская республика II в. до н. э.)	Аналогов очень крупного раннего государства не существует

Из сказанного вытекают важные выводы.

1. Хотя любое общество, которое исторически предшествует образованию раннего государства, является истори-

⁹⁴ Крадин Н. Н. Кочевники в мировом историческом процессе. С. 127. Империя хунну. С. 79. Население некоторых образований, вроде гуннской «империи» Атиллы, также могло быть очень большим, но такие политии в отличие от хуннской были непрочными.

чески догосударственным, однако оно может предшествовать не обязательно малому государству, а сразу среднему или крупному. При этом, чем крупнее и сложнее «догосударственное» общество, тем вероятнее, что оно сразу перейдет и к более крупному государству, минуя этапы малого и среднего. В самом деле, правомерным ли будет считать, что сложное вождество на о. Гавайи (самом большом на Гавайском архипелаге) численностью до ста тысяч человек⁹⁵ стояло по уровню развития и сложности ниже упомянутых Классеном мельчайших таитянских государств или «номового» государства Ур, указанного выше. Совершенно очевидно, что нет. И, действительно, с приходом европейцев на Гавайском архипелаге образовалось уже государство среднего размера, то есть численностью в 200–300 тысяч человек, если опираться на оценку численности населения до контактов⁹⁶.

2. Таким образом, общество может трансформироваться в раннее государство как с **уровня** стадияльно догосударственного, например, путем синойкизма небольших общин (такой путь описывает Классен для бецилио на Мадагаскаре в начале 17 века⁹⁷; такой способ был характерен также для греческих обществ⁹⁸, для Междуречья конца IV и III тыс. до н. э.⁹⁹); так и с **уровней** аналогов малого (Тонга); среднего (Гавайи) и даже крупного государства (скифы в начале IV в. до н. э.). Известны и обратные метаморфозы от раннего государства к аналогу, хотя и более редкие¹⁰⁰.

Такие подходы позволяют полнее увидеть эволюционные альтернативы в политогенезе раннему государству как на любом уровне сложности и развитости государства, так и в плане соответствия его размерам. Другими словами, это еще раз показывает, что стейтогенез

⁹⁵ Johnson A. W. and Earle T. K. Op. cit. P. 285.

⁹⁶ Seaton L. The Early State in Hawaii. P. 270; Johnson A. W. and Earle T. K. Op. cit. P. 284.

⁹⁷ Claessen H. J. M. Was the State Inevitable? P. 105–106.

⁹⁸ Античная Греция. С. 36; также Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 44.

⁹⁹ История Древнего Востока. С. 110.

¹⁰⁰ Коротав А. В. От государства к вождеству?...; Trepravlov V. V. The Nogay Alternative...

(образование собственно государства) был лишь одной из линий политогенеза, и только постепенно он стал сначала ведущей, а потом и почти единственной его линией.

2. 4. Аналоги: некоторые другие классификации

Поскольку аналоги ранних государств очень сильно отличаются друг от друга, есть смысл немного сказать и о других их классификациях. **Во-первых, аналоги можно разделить по степени структурной и организационно-административной близости к ранним государствам.** Здесь следует использовать два критерия: степень похожести аналогов и ранних государств; степень развитости в аналогах политической и социальной сфер.

С одной стороны, государства и аналоги различаются между собой особенностями политической организации, причем амплитуда этих различий очень велика. Следовательно, важно установить, насколько тот или иной аналог приближается в этом смысле к государствам. С другой стороны, в раннегосударственном обществе обычно имеется и заметное имущественное неравенство, и так или иначе выражены социальные противоречия. Последние, конечно, не всегда имеют характер классовых или позднеклассовых отношений, но, как правило, общество уже разделено, по крайней мере, на два (а обычно и больше) ясно выраженных слоя или формирующихся класса, а именно: управителей и управляемых. Классен и Скальник особенно подчеркивали эту характеристику раннего государства¹⁰¹.

Однако, как уже говорилось, это не является эксклюзивным признаком только государства, а характерно и для многих аналогов. При этом в некоторых аналогах (например, в Полинезии) преодолеть социальные перегородки оказывалось даже труднее, чем в иных ранних государствах¹⁰². Это частично объясняется тем, что для образования и развития государства требуется смена элит (в частности для формирования аппарата чиновников или армии нового типа).

¹⁰¹ См.: Claessen H. J. M., Skalnik P. The Early State. P. 640; Claessen H. J. M. Was the State Inevitable? P. 103.

¹⁰² Например, дружинники на Руси, в Скандинавии, в других местах могли сделать выдающуюся карьеру, а в древнем Египте, Вьетнаме и других государствах простолюдин, получивший образование, мог стать большим вельможей.

Таким образом, по развитости политической и социальной сфер, а также по сходству политического развития с ранними государствами аналоги могут быть разделены на несколько групп.

1. **Неполные аналоги.**

Не во всех аналогах, примеры которых были даны, есть достаточная степень социальной стратификации, действительно сравнимой с раннегосударственной. В частности, у ирокезов она отсутствовала или была слабо выражена. Поэтому я специально сделал оговорку о том, что аналоги находятся на одном уровне социокультурного и / или политического развития с раннегосударственными обществами. Аналоги, которые можно сравнить с государством только по размерам и по степени политического и военного влияния, но не по уровню социокультурного развития, можно назвать **неполными** аналогами. Такие аналоги чаще всего возникают под действием внешней обстановки (или необходимости ей адекватно отвечать, или при попытках получить преимущества перед другими). Ярким примером такого **неполного** аналога являются ирокезы. Социальная дифференциация у них была слаба. Но по численности, сложности политической организации (с институционализацией отдельных ее моментов и сложной процедурой), по военной мощи они выделялись¹⁰³.

Недостаточность развития неполных аналогов требует большой осторожности при их отделении от еще стадияльно догосударственных. В частности, мне думается, что похожие на ирокезскую конфедерации североамериканских индейцев (гуронов, криков и других), но менее развитые, чем ирокезская¹⁰⁴, еще не являются аналогами раннего государства.

¹⁰³ Относительно численности ирокезов Морган в «Лиге ирокезов» говорил, что существуют большие расхождения в ее определении. Сам он полагал, что к 1650 г., то есть к моменту наибольшего могущества Лиги, их было 25 тыс. человек. (Морган Л. Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. С. 21–22). В «Древнем обществе» он уже более осторожен, заявляя, что их численность никогда не превышала двадцати тыс., если когда-либо достигала такой цифры (Морган Л. Г. Древнее общество. С. 74). Но и цифра в 20 и даже в 15 тыс. человек сравнима с населением малого государства.

¹⁰⁴ О том, что они менее развиты, что их политические механизмы были менее отлажены и эффективны, чем у ирокезов см.: Vorobyov D. V. The Iroquois. P. 158.

2. Полные аналоги.

Соответственно те аналоги, которые сравнимы с государством по уровню и политического, и социального развития, будут полными аналогами.

3. Социальные и политические аналоги.

В свою очередь полные аналоги могут делиться на те, в которых больше развита социальная или политическая сфера. Первые можно назвать **социальными** аналогами, вторые – **политическими**. К социальным относятся такие, как саксы, галлы; к политическим – хунну, гунны и другие.

4. Комплексные аналоги.

Можно выделить и такие аналоги, в которых и политическая, и социальная сферы были хорошо развиты, и которые, кроме того, во многом были схожи с государством по своему устройству, характеру высшей власти и т. п. Такие аналоги я бы назвал **комплексными**. Примером могут служить сложные гавайские вожества.

Во-вторых, аналоги можно классифицировать по тому, являются ли они одним обществом или группой тесно связанных обществ.

Другими словами, могут быть **унитарные и составные аналоги**. Речь не идет об этнической гомогенности, либо о полнейшей унитарности образования. Речь идет о том, руководятся ли аналоги одной волей, достаточно авторитарной (неважно, монарх ли это или коллективный орган, вроде римского сената), либо составляющие единицы аналога во многом автономны, а их мнение должно обязательно быть учтено, поскольку для принятия решения необходимо добиваться того или иного консенсуса. Те же ирокезы, а также туареги, печенеги, конфедерации общин и городов и другие являются примерами составных аналогов. А гавайские вожества, германские союзы во главе с королями, военно-захватнические образования, вроде гуннского, аварского, исландская демократия – унитарными.

В-третьих, аналоги могут различаться по степени развитости, то есть, используя термины Классена и Скальника, могут быть **аналоги зачаточного, типичного и переход-**

ного ранних государств¹⁰⁵. По мнению Классена, одним из важных показателей различий между разными типами раннего государства является роль родственных и общинных отношений в сфере политики (помимо, конечно и других, таких, как роль специалистов в управлении, уровень налоговой системы, развитие частной собственности и т. д.). В частности, в зачаточном государстве налицо доминирование родственных, семейных и общинных отношений. В типичном – родственные отношения уравниваются локальными, а в правящей администрации ведущую роль играют уже чиновники и носители титула, не входящие в правящий клан. В переходном государстве администрация назначается, а родство влияет только на отдельные аспекты в управлении¹⁰⁶. Такие изменения, действительно, происходят во многих государствах.

Однако, я думаю, что полностью универсальной такая схема не будет. Например, в Риме уже в ранний период родство играло только ту роль, что те или иные фамилии традиционно занимались государственной деятельностью. Иными словами, членство в той или иной фамилии давало лишь стартовую возможность для карьеры, как это часто бывало в новое время и бывает сегодня. Но магистраты не подбирались по принципу: свояк свояка видит издалека. Должностные лица назначались или выбирались по соответствующей процедуре с сильной конкуренцией.

Но как бы то ни было, критерии, указанные Классеном, неудобны для различения уровня развитости аналогов, в которых новое административное начало в любом случае было слабее, чем в государствах. Следовательно, для нашего случая нужны другие критерии. Ими могут быть, в частности, такие: *насколько аналог был способен выполнять функции типичного или переходного государства во внутреннем управлении; насколько глубоко зашли процессы социальной стратификации; насколько важную роль стали играть новые отношения.*

¹⁰⁵ Claessen H. J. M. and Skalnik P. The Early State. P. 640.

¹⁰⁶ Claessen H. J. M. The Earle State: A Structural Approach. P. 589.

Большинство аналогов соответствует уровню зачаточного государства. Примерами аналогов типичного государства, возможно, являются наиболее развитые галльские политии. Можно также применить прием, указанный выше. Некоторые аналоги выступают как аналогичные типичному государству только в отдельных направлениях, например, внешней политике, военном деле (иногда в торговле). Мне кажется, такими являются очень крупные аналоги¹⁰⁷. Как справедливо указывал Хазанов, хотя кочевники могли казаться оседлым современникам варварами, но эти «варвары» были довольно изощренными в политическом отношении¹⁰⁸. Было замечено, что размеры, мощь и уровень сложности в реализации внешнеполитических функций у объединений (империй) кочевников тесно коррелируют с размерами, мощью и уровнем политической культуры и деятельности государств, с которыми номады постоянно контактировали. Соответственно, некоторые кочевые соседи таких государств, как Китай, вполне могут рассматриваться как неполные аналоги типичного государства.

Найти примеры аналога переходного государства достаточно сложно. Это связано с тем, что на этапе переходного государства эволюционные преимущества государства перед аналогами проявляются уже настолько ясно, что иные политогенетические пути начинают терять свое значение. Аналоги могут еще в определенных отношениях (в частности в военном) конкурировать с такими государствами, но уже не могут открыть путь к развитию цивилизации. А при военной победе над государственным обществом аналоги просто начинают перестраиваться по его меркам.

Возможно, если бы развитие галльских политий не было прервано насильственно, то они – особенно при заимствовании письменности – могли бы выйти на уровень ана-

¹⁰⁷ Вроде хунну, особенно при первых шаньюях (Моде и других во II в. до н. э.), поскольку позже политическая система несколько примитивизировалась (См.: Kradin N. N. *The Hsiung-Nu*. С. 296).

¹⁰⁸ Хазанов А. М. *Кочевники евразийских степей...* С. 54.

лога переходного государства и затем трансформироваться уже в собственно государство. Но это было бы в любом случае еще раннее, а не сформировавшееся государство. Переход от аналога раннего государства сразу к зрелому государству, думается, невозможен, хотя бы потому, что даже переход от раннего государства к зрелому был достаточно редким явлением.

Классификация аналогов по степени их развитости еще раз показывает, что при всей важности учета различных линий и форм политогенеза (без чего легко скатиться на однолинейность) нельзя забывать, что **в конце концов именно государство оказалось ведущей политической формой организации обществ**. Все же остальные, длительное время альтернативные ему, в конце концов, либо преобразовались в государство, либо исчезли, либо превратились в боковые или тупиковые виды.

ЛИТЕРАТУРА

Агларов М. А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. – М.: Наука, 1988.

Античная Греция. Становление и развитие полиса. Т. 1.– М.: Наука, 1983.

Арминий / Советская историческая энциклопедия, 1 (С. 746).

Белков П. Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? / Попов 1995 (С. 165–187).

Бессмертный У. Л. Возникновение Франции / История Франции: В 3 т. Т. 1. – М.: Наука, 1972 (С. 9–68).

Бровников В. О. Берберы (XIX–начало XX в. н. э.) / Бондаренко и Коротаев 2002 (С. 177–195).

Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин: формирование и эволюция социально-политических институтов. – М.: Институт Африки РАН и др., 2001.

Бондаренко Д. М. и Коротаев А. В. (ред.) Цивилизационные модели политогенеза. – М.: Институт Африки и др., 2002.

Бродель Ф. Что такое Франция? Т. 2. Ч. 1. / Пер. с фр. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995.

Ванчура В. Картины из истории народа чешского / Пер. с чеш.: В 2 кн. – М.: Художественная литература, 1991.

Васильев Л. С. Проблемы генезиса Китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). – М.: Наука, 1983.

Васютин С. А. Типология постарших и политических систем кочевников / Крадин и Бондаренко 2002 (С. 86–98).

Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991.

Гиренко Н. М. Племя и государство: проблемы эволюции / Попов 1995 (С. 122–131).

Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. Гл. 4 Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории // *Философия и общество*. – 1997. – № 5 (С. 5–63).

Гринин Л. Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). Ч. 1 // *Философия и общество*. – 2001. – № 4 (С. 5–60).

Гринин Л. Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации. Ч. 2 // *Философия и общество*. – 2002. – № 2 (С. 5–74).

Гринин Л. Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации. Ч. 3 // *Философия и общество*. – 2002. – № 3 (С. 5–73).

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – М.: Клышников, Комаров и К^о, 1993.

Гуревич А. Я. История и сага. – М.: Наука, 1972.

Древняя Греция. – М.: Наука, 1956.

Дьяконов И. М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла / Якобсон 2000 (С. 27–44).

Дьяконов И. М. (ред.) История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой формации. Т. 1. Месопотамия. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1983.

Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). – М.: Наука, 1986.

История Италии: В 3 т. / Под ред. С. Д. Сказкина и др. Т. 1 – М.: Наука, 1970.

История СССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. Б. А. Рыбакова. Т. 1. – М.: Наука, 1966.

Колесницкий Р. Ф. Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI–XIV вв.) // *Средние века*. – 1963. – № 23 (С. 183–197).

Коротаев А. В. Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. – М.: Восточная литература РАН, 1997.

Коротаев А. В. От государства к вождеству? От вождества к племени? (некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет) / Попов 1995 (С. 224–302).

Коротаев А. В. Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-восточного Йемена) / Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. (ред.). *Альтернативные пути к цивилизации*. – М.: Логос, 2000 (С. 265–291).

Корсунский А. Р. и Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств (до середины VI в.). – М.: Изд-во МГУ, 1984.

Крадин Н. Н. Кочевые общества. – Владивосток: Дальнаука, 1992.

Крадин Н. Н. Общественный строй жужаньского каганата / История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э. В. Шавкунова / Под ред. Н. Н. Крадина и др. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000 (С. 80–94).

Крадин Н. Н. Кочевники в мировом историческом процессе // *Философия и общество*. – 2001. – № 2 (С. 108–137).

Крадин Н. Н. Империя хунну. 2-е изд. – Владивосток: Дальнаука, 2001.

Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях / Крадин и Бондаренко 2002 (С. 109–125).

Крадин Н. Н. и Бондаренко Д. М. (ред.) Кочевая альтернатива социальной эволюции. – М.: Институт Африки РАН и др., 2002.

Леру Ф. Дрииды / Пер. с фр. – С.-Петербург: Евразия, 2000.

Луццатто Дж. Экономическая история Италии / Пер. с ит. – М.: ИЛ. 1954.

Маробод / Советская историческая энциклопедия, 9 (С. 123).

Морган Л. Г. Лига ходеносауни, или ирокезов / Пер. с англ. – М.: Наука, 1983.

Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Пер. с англ. – Л.: Изд-во института народов Севера, 1934.

Неронова В. Д. Этруссские города-государства в Италии / Дьяконов И. М. (ред.) История древнего мира. Т. 1. Ранняя древность. – М.: Наука, 1989 (С. 369–381).

Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья) / Проблемы истории докапиталистических обществ. – М.: Наука, 1968 (С. 596–617).

Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии / Пер. с исландского. – М.: ИЛ, 1957.

Першиц А. И. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. / Першиц А. И. (ред.) Разложение родового строя и формирование классового общества. – М.: Наука, 1968 (С. 320–355).

Подаляк Н. Г. Ганза / Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4. Extra muros: город, общество, государство, Отв. ред. А. А. Сванидзе. – М.: Наука, 2000 (С. 125–150).

Попов В. А. Политогенетическая контрверза, паразитичность и феномен вторичной государственности / Попов 1995 (С. 188–204).

Попов В. А. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. – М.: Наука, 1990.

Попов (ред.) Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М.: Восточная литература РАН, 1995.

Равва Н. П. Полинезия. Очерк истории французских колоний (конец XVIII–XIX вв.). – М.: Наука, 1972.

Рутенберг В. И. Итальянский город. От раннего Средневековья до Возрождения. – М.: Наука, 1987.

Рэдклиф-Браун Э. Э. Нуэры / Пер. с англ. – М.: Наука, 1985.

Саксы / Советская историческая энциклопедия, 12 (С. 478–480).

Саксонская правда / Советская историческая энциклопедия, 12 (С. 475).

Само / Советская историческая энциклопедия, 12 (С. 512–513).

Советская историческая энциклопедия: В 16 т. – М.: Советская энциклопедия, 1961–1976.

Смирнов А. Р. Скифы. – М.: Наука, 1966.

Токарев С. А., Толстов С. П. (ред.) Народы Австралии и Океании. – М.: Изд-во АН СССР, 1956.

Удальцова З. В. Остготы / Советская историческая энциклопедия, 10 (С. 654).

Федоров Г. В., Полевой Л. Л. «Царства» Бурбисты и Децебала: союзы племен или государства? // Вестник древней истории. – 1984. – № 7 (С. 58–80).

Фентон У. Н. Ирокезы в истории / Североамериканские индейцы. – М.: Прогресс, 1978 (С. 109–156).

Филатов И. Исландия / Советская историческая энциклопедия. Т. 6 (С. 341–348).

Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса / Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство): Под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.

Хазанов А. М. Социальная история скифов. – М.: Наука, 1975.

Хазанов А. М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе / Крадин и Бондаренко 2002 (С. 37–58).

Цезарь Юлий. Галльская война / Записки Юлия Цезаря и его продолжателей; Под ред. М. М. Покровского. – М.: Ладомир, 1993 (С. 7–217).

Шкунаев С. В. Кельты в Западной Европе в V–I вв. до н. э. / История Европы. Т. 1. Древняя Европа. – М.: Наука, 1988 (С. 492–503).

Шкунаев С. В. Община и общество западных кельтов. – М.: Наука, 1989.

Якобсон В. А. (ред.) История Востока. Т. 1. Восток в древности. – М.: Восточная литература, 2000.

Beliaeв D. D., Bondarenko D. M., and Frantsouzoff S. A. (eds.) Hierarchy and Power in the History of Civilizations. – Moscow: Iaf RAN, 2002.

Bondarenko D. M. Precolonial Benin / Kradin and Lynsha 1995 (pp.100–108).

Bondarenko D. M. 'Homologous Series' of Social Evolution and Alternatives to the State in World History (An Introduction) / Kradin *et al.* 2000 (pp. 213–219).

Bondarenko D. M. Benin (1st millennium BC – 19th century AD) / Bondarenko and Korotayev 2000 (pp.87–127).

Bondarenko, D. M. and Frantsouzoff S. A. (eds.) Hierarchy and Power in the History of Civilizations. – Moscow: Iaf RAN, 2002.

Bondarenko D. M., Grinin L. E., and Korotayev A. V. Alternative Pathways of Social Evolution // Social Evolution & History – 2002. V. 1, N 1 (pp. 54–79).

Bondarenko D. M. and Sledzevski I. V. (eds.) Hierarchy and Power in the History of Civilizations. – Moscow: Iaf RAN, 2000.

Bondarenko D. M. and Korotayev A. V. (eds.) Civilizational Models of Politogenesis. – Moscow: Iaf RAN, 2000.

Bondarenko D. M. and Korotayev A. V. 'Early State' in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Reanalysis of Henri J.M. Classen's Database // Cross-Cultural Research. –V. 1., N 1.(pp. 105–132).

Carneiro R. On the Relationship Between Size of Population and Complexity of Social Organization // Southwestern Journal of Anthropology.– 1967, N 23 (pp. 234–243).

Claessen H. J. M. Early State in Tahiti / Claessen and Skalník 1978 (pp. 441–467).

Claessen H. J. M. The Earle State: A Structural Approach / Claessen and Skalník 1978 (pp. 533–596).

Claessen H. J. M. Was the State Inevitable? // Social Evolution & History – 2002. V. 1, N 1 (pp. 101–117).

Claessen H. J. M. and Skalník P. (eds.). The Early State. – The Hague: Mouton, 1978.

Clark G. and Piggott S. Prehistoric Societies. – Harmondsworth, Middlesex, UK: Penguin Books Ltd, 1970.

Crumley C. L. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies / Ehrenreih *et al.* 1995 (pp. 1–15).

Crumley C. L. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity / Haas J. (ed.) From Leaders to Rulers. – New York etc: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2001 (pp. 19–33).

Earle T. K. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. – Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1997.

Earle T. K. Hawaiian Islands (A. D. 800–1824) / Bondarenko and Korotayev 2000 (pp. 73–86).

Ehrenreih R. M., Crumley C. L., and Levy J. E. (eds.). Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. – Washington, DC: American Anthropological Association, 1995.

Grinin L. The Early State and its Analogues // Social Evolution & History – 2002. V. 2, N 1 (pp. 131–176).

Johnson A.W. and Earle T. K. The Evolution of Human Societies: from foraging group to agrarian state. Second Ed. – Stanford, CA: Stanford University Press, 2000.

- Harris M. **Cultural Anthropology**. 4th ed. – New York: Addison-Wesley, 1995.
- Korotayev A. V.** Mountains and Democracy: An Introduction / Kradin and Lynsha 1995 (pp. 60–74).
- Korotayev A. V., Kradin N. N., Lynsha V. A., and de Munck V.** Alternatives of Social Evolution: An Introduction / Kradin *et al.* 2000 (pp. 12–51).
- Kradin N. N.** The Hsiung-Nu (200 B.C. – A.D. 48) / Bondarenko and Korotayev 2000 (pp. 287–304).
- Kradin N. N., Korotayev A. V., Bondarenko D. M., de Munck V., and Watson P. K.** (eds.). Alternatives of Social Evolution. – Vladivostok: FEB RAS, 2000.
- Kradin, N. N., and Lynsha, V. A.** (eds.) Alternative Pathways to Early State. – Vladivostok: Dal'nauka 1995.
- Kowalewski S. A., Nicolas L., Finsten L., Feinman G. M., Blanton R. E.** Regional Restructuring from Chiefdom to State in the Valley of Oaxaca / Kradin and Lynsha 1995 (pp. 93–99).
- Lloyd P.** West African Kingdoms and the Earle State: a Review of Some Recent Analyses / Claessen and Skalnik (eds.). The Study of the State. – The Hague: Mouton, 1981 (pp. 223–238).
- Lozny L.** The Transition to Statehood in Central Europe / Kradin and Lynsha 1995 (pp. 84–92).
- Marcus J. and Feinman G. M.** Introduction / Feinman G. M. and Marcus J. (eds.). Archaic States. – Santa Fe – New Mexico: School of American Research Press 1998 (pp. 3–13).
- Marey A. V.** The Socio-Political Structure of the Pechenegs / Kradin *et al.* 2000 (pp. 289–293).
- McIntosh S. K.** Pathways to Complexity: an African Perspective / McIntosh 1999 (pp. 1–30).
- McIntosh S. K.** (ed.). Beyond Chiefdoms; Pathways to Complexity in Africa. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Sahlins M. D.** Social Stratification in Polynesia. – Seattle – London: University of Washington Press, 1972.
- Seaton L.** The Early State in Hawaii / Claessen and Skalnik 1978 (pp. 269–287).
- Schaedel R.** The Temporal Variants of Proto-state Societies / Kradin and Lynsha 1995 (pp. 47–53).
- Schaedel R.** Early State of the Incas / Claessen and Skalnik 1978 (pp. 289–320).
- Trepavlov V. V.** The Nogay Alternative: from a State to a Chiefdom and backwards / Kradin and Lynsha 1995 (pp. 144–151).
- Vansina J.** Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neoevolutionary Theory / McIntosh 1999 (pp. 166–172).
- Vorobyov D. V.** The Iroquois (15th–18th centuries A. D.) / Bondarenko and Korotayev 2000 (pp. 157–174).
- Wittfogel K. A.** Oriental Despotism. – New Haven, CT: Yale university Press 1957.